

Е. Е. Мамыкина

Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

Татарский мир в интерпретации автора Казанской истории¹

Казанская история — литературный памятник XVI в., посвященный взятию Казани Иваном Грозным в 1552 г. Это сочинение, очевидно, пользовалось большой популярностью, о чем свидетельствуют более 270 списков, дошедших до нашего времени. Казанская история была создана в 60-х гг. XVI в., во время обострения отношений Ивана IV с боярами. Изучение этого памятника осложняется большим количеством его списков, значительно различающихся между собой. Ученый рубежа XIX–XX вв. Г. З. Кунцевич разбивает известные на тот момент 152 списка памятника на 9 редакций и выделяет три этапа в его литературной истории: первый этап — до 1573 г. (I и II редакции), второй — после 1592 г. (III–VIII), третий — начало XVII в. (IX). Г. Н. Моисеева, открывшая еще 79 списков, делит их на две редакции: древнейшую (I и II по Кунцевичу) и позднейшую, созданную после 1592 г. (III–VIII по Кунцевичу) (см. об этом: [Волкова]). Прделанная работа исследователей устанавливает два важных момента: во-первых, все редакции Казанской истории, включая самую раннюю, создавались уже после того, как Казань стала частью Российского государства, во-вторых, интерес к этому сочинению не угасал до середины XVII в., т. е. достаточно долго. Его востребованность объяснялась не только тем, что текст фиксировал историю Казани и ее взятия, но и потому, что поднимал важную проблему — проблему взаимо-

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Ларисы Степановны Соболевой.

отношений русских и татар. С учетом того, что Российское государство с течением времени завоевывало все новые и новые земли, тема культурного трансфера с иноязычными и иными по генезису культурами и верами всегда оставалась для русской литературы наиболее важной.

Что же такое «трансфер»? «Новейший философский словарь» предлагает следующее определение: трансфер — «процесс и результат спонтанного взаимодействия людей, характеризующиеся влиянием ранее сформировавшихся стереотипов восприятия, действий или отношений на новые действия или отношения, выступающие в форме бессознательного переноса на партнера сформировавшихся ранее (в результате предшествующего взаимодействия с другими людьми) положительных или отрицательных чувств» [Новейший философский словарь]. Это определение отлично иллюстрирует ситуацию XVI в., героями которой были русские и татары: русские — зачастую неосознанно, под влиянием стереотипов, господствовавших в обществе около 200 лет, — проецировали на татар свои отрицательные чувства, заранее представляя их как безжалостных безбожников. Очевидно, понимая этот механизм культурного трансфера, неизвестный автор Казанской истории и решил написать данный текст.

Казанская история получила научное освещение с разных сторон: современных исследователей привлекала как подробно описанная в Казанской истории политическая ситуация, обострение конфликта между Иваном Грозным и боярами, так и героические темы (А. С. Орлов), рассматривалось своеобразие жанра этого произведения (В. К. Соколова), ставился вопрос о его источниках (Н. А. Наганов), авторе (Г. Н. Моисеева), исследовались лексика и язык (А. К. Абдульманова). Задача же нашей статьи — привлечь внимание к проблеме культурного трансфера между недавно враждовавшими народами на материале сказания, которое создавалось после вхождения Казани в состав Российского государства и отвечало необходимости налаживания связей, в том числе культурных, с недавним врагом.

Как пишет автор, «грѣх же моихъ ради случи ми ся пленену быти варвары и сведену в Казань» [Казанская история, с. 302]².

² Далее текст Казанской истории цитируется по данному изданию с указанием страницы в скобках.

В плену он провел около 20 лет («И удержану ми бывшу тамо у него двадесять лѣтъ в пленении» [с. 302]), за это время успев «сдружиться» с придворными и самим татарским царем Сафа-Гиреем. На протяжении всего пребывания в плену автор расспрашивал татарского царя об истории Казани и неоднократно слышал о походе Батые, «основателя» Золотой Орды, после распада которой и появились многочисленные ханства, в том числе Казанское. Возможно, причина популярности памятника кроется как раз в этом представлении татарского мира словно бы изнутри.

Особый интерес для нас представляет интерпретация автором татарского мира. Но что можно назвать «татарским миром»? — В рамках нашей работы рассмотрим следующие его грани: поведение казанцев в битве, вера татар, а также описание Казани и окружающей природы.

Описания города и природы. Описаний непосредственно Казани в тексте мы не находим, однако в 7 главе можем узнать историю основания города. Автор повествует, как Ордынский царь Саин, наследник Батые, решил поставить «град на славу имени своего» [с. 314], в котором останавливались бы на отдых его послы, идущие в Русские земли. Эти строки раскрывают цель, с которой был поставлен город: Казань изначально мыслилась в качестве некоей контактной зоны между русскими и татарскими землями. Следовательно, татары понимали, что взаимодействие с Русью будет выгодным для обоих государств (а также, как мы полагаем, предвидели будущий авторитет Руси). Саин сам искал место, на котором будет построен город. Нашел он его «на Волге, на самой украине Руския земли, на сей странѣ Камы рѣки, концемъ прилежащих Болгарстей земли, а другимъ концемъ к Вятке и къ Перми» [с. 314]. Место было крайне удачно как само по себе, так и благодаря его окрестностям: «и скотопажно, и пчелисто, и всякими земляными сѣмяны родимо, и овощами преизобилно, и звѣристо, и рыбно, и всякого угодия житейскаго полно» [с. 314]. Странно, однако, что на таком хорошем месте еще не стояло города — но автор и этому дает объяснение. По его словам, на земле той было змеиное гнездо, а среди обычных змей был один с двумя головами: змеиной, которой он пожирал животных и людей, и воловей, которой ел траву. Таким образом в текст вводится топоним рай-

ского места, оскверненного нечистой силой. Татары же в данной ситуации не оставили эту землю и не пошли искать другую, они не теряли надежду очистить место. Нашелся волхв, согласившийся очистить землю от змей, собрал «вся живущия змии от малыхъ и до великихъ в мѣсте томъ к великому змию во едину великую громаду и всѣхъ чертою очерти, да не излѣзеть из нея ни едина змиа» [с. 314], а после сжег их. «Многимъ же от вой его умрети от лютаго смрада того змиина близ мѣста того стоящимъ, и кони, и велбуды его многи падоша» [с. 316]. В итоге место было очищено и Саин поставил на нем град Казань. Автор делает акцент на том, что это райское место было очищено именно казанцами, в результате понесшими большие потери, — это должно было в какой-то степени реабилитировать казанцев в глазах русского читателя.

Показателен эпизод въезда Ивана Грозного в захваченную Казань (глава 87). Царь потрясен величием и красотой города, он падает на землю, плачет, не боясь выражать чувства, и благодарит Бога: «О, колѣкъ народъ людей паде единымъ малымъ часомъ единаго ради града сего! И не безъ ума положиша главы своя казанцы до смерти, яко велика бѣ слава и красота царства сего» [с. 534]. Автор подчеркивает, что сам Иван Грозный не испытывает ненависти к казанцам, не держит на них зла за понесенные его государством потери, поскольку понимает: настолько красивый город нельзя не защищать.

Казанцы в битвах. В битвах казанцы изображаются автором как бесстрашные воины, про которых царь Шигалей, ставленник Москвы в Казани и, следовательно, враг самим казанцам, сказал: «Казанския бо люди худы в ратномъ дѣле: зѣло свирѣпы и жестоки» (глава 48) [с. 442]. Автор не зря вкладывает эти слова в уста именно Шигалея — ведь похвала врага ценится более всего.

Четырнадцатая глава показывает, что татары могут пойти и на беззащитных, по сути, людей. Когда казанцы устроили большой пир «честь празнику своему» [с. 334] за стенами города на лугу, на них напали русские воины, многих перебив. Затем русские, сочтя победу своей, наелись и напились из тех запасов, что казанцы принесли с собой, а когда же уснули пьяным сном, татарские воины напали на них: «И пояде мечъ толикое воинство: класъ несозрѣлыхъ — юношъ и средовѣчныхъ мужъ, покры

земное лице трупием человеческим, и поле Арское и Царевъ лугъ кровию очервленишася. Едва сами воеводы болия от смерти убѣгнути возмогоша. Инѣх же побѣша, а инии на Русь прибѣгоша с великою тщетою, много язвеных имуще» [с. 336]. При этом в описании отхода русских воинов в свои земли автору важно заметить, что, хотя казанцы «свирѣпы и жестоки» [с. 442] в битвах, по словам Шигалея, раненые смогли добратъся до своих земель, т. е. казанцы их не преследовали. Наряду с другими, условно говоря, позитивными характеристиками этот момент добавляет образу казанцев черты благородства, способности не только разрушать, но и созидать и т. д., ведущие к последующему примирению с русскими.

В 23 главе автор показывает, как обращались татары с пленными: здесь, в частности, рисуется жестокость татар, завоевавших часть русских земель во время очередного набега. Автор повествует о том, как многих, в том числе и священнослужителей, увели в рабство, как грабили церкви, насиловали девушек и женщин: «и мнихом наругахуся, образ ангельский безчестяху: горящее углие за сандалия ихъ засыпаху и, ужемъ о шии зацепляюще, скакати имъ веляху и плясаху, яко звѣремъ на сие изученымъ; и добровидных инокъ и тѣлсы молодых, премѣняюще, совлачаху черных риз и в мирския портища облачаху, и в варварския земли далече, яко простых юнош, продаяху; и младыя инокини разстризаху и разтлѣваху ихъ, яко простыя девицы, и за себя поимаху; над девицами же мирскими пред очима отецъ и матерей ихъ беззаконие, блудное дѣло, не срамляющееся творяху, тако же и над женами пред очима мужей ихъ, еще же и над старыми женами, которыи до 40 лѣтъ и до 50 во вдовствѣ пребываху, мужей своихъ оставше. И нѣсть мочно такового беззакония ихъ подробну исчесть, понеже бо то аз своима очима видѣх и пишу, свѣдая, горкое повѣдание» [с. 366]. Столь подробное описание жестокостей, вероятно, имело свою причину — автору требовалось оправдать жестокость русских, проявленную при захвате Казани.

Вспомним о том, что и сам автор — пленник казанцев, в самом начале он рассказывает о своей жизни при дворе Сафа-Гирея и о том, как любил его царь и бояре: «бѣ бо царь по премногу и меня любя, и велможи его паче мѣры брегуще мя» [с. 302].

Вера. Как известно, люди Средневековья разделяли народы на «свои» и «чужие» на основании их вероисповедания. Мусульмане-татары, разумеется, оказывались «чужими» для православных русских, а потому вполне закономерно, что автор Казанской истории именует казанцев *варварами* (в следующем контексте это слово используется, скорее всего, как обозначение представителей другого вероисповедания, другой культуры: «грѣх же моихъ ради случи ми ся пленену быти варвары и сведену в Казань» [с. 302]) и *погаными* (первоначальное значение слова — ‘язычник’; отрицательные коннотации появились позже, однако на момент написания Казанской истории, возможно, уже были. Так, например, в главе 14 автор противопоставляет христиан «поганым»: «побѣжени быша христиане от поганыхъ» [с. 334]). Несмотря на подобные определения, автор дает иноверцам «право на искупление»: в главе 10 один из татарских царей, Улу-Ахмет, изгнанный из Большой Золотой Орды и просивший московского царя Василия Васильевича позволить ему «невозбранно на предѣлах земли своея мало время от труда почити» [с. 318, 320], узнал, что Василий Васильевич собирается лишить его данной ему ранее земли. Тогда Улу-Ахмет в отчаянии обратился к христианскому Богу с просьбой о помощи: «и паде при дверѣх храма у порога на земли, не смѣя влѣсти вонь, вопияше и плача с многими слезами» [с. 322]. После этой молитвы он собрал своих воинов и смог победить русского царя в битве. Этим эпизодом автор стремится показать, что христианскому Богу важна искренняя молитва, даже если она парадоксальным образом звучит из уст иноверца. Слезная молитва имеет в христианстве особое значение, о чем писал еще Владимир Мономах. В сознании автора Казанской истории Бог — некий Абсолют, для которого ценной является сама молитва. Он справедлив, а потому, если православный царь решается на бесчестный поступок — изгнание «неверного» из той земли, что сам же ему дал, Бог защитит безвинного.

* * *

Таким образом, неизвестный автор сказания «Казанская история» раскрывает русским читателям татарский мир, делая при этом акцент на том, что казанцы — такой же, как и другие,

народ, со своими достоинствами и недостатками; татары — не Божье наказание, не олицетворение зла, как считалось прежде на протяжении веков, и автор стремится по мере возможности вызвать в русском читателе сочувствие к ним.

Список литературы

Волкова Т.Ф. Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев. Вып. 2 : Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1 : А–К. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4006> (дата обращения 10.11.2018).

Казанская история // Памятники литературы Древней Руси : [сб.] / [сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева ; вступ. ст. Д.С. Лихачева]. М. : Худож. лит., 1985. [Вып. 7] : Середина XVI века. С. 360–565, 601–624.

Трансфер // Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. Минск : [Изд-во В. М. Скакун], 1999. [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-reading.by/chapter.php/149350/1233/Gricanov_-_Noveiishiii_filosofskiii_slovar%27.html (дата обращения: 10.11.2018).